

УДК 82.09:821.133.1

ББК 83.3Фр

П 32

Пилецкий Сергей Григорьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии, e-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

ПОЛЬ АНРИ ГОЛЬБАХ О ВОЗМЕЗДИИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

(рецензирована)

Тема мести и возмездия во все времена волновала умы философов. Нет, пожалуй, ещё такой проблемы, которая бы провоцировала такой накал страстей и имела такой общественный «камертон звучания». Она поистине пронизывает все глубинные структуры нашего сознания и так или иначе затрагивает практически все «болевые точки» нашего бытия. Автор берёт на себя задачу проанализировать тему мести и возмездия в творчестве выдающегося мыслителя эпохи Просвещения – Поля Анри Гольбаха

***Ключевые слова:** философия эпохи Просвещения, последовательный материализм, детерминизм, фатализм, возмездие, социальная справедливость.*

Piletski Sergey Grigorjevich, Candidate of Philosophy, associate professor of the Department of History and Philosophy of Yaroslavl State Medical Academy, e-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

PAUL HENRI HOLBACH ON RETRIBUTION AND JUSTICE

(reviewed)

The problem of revenge and retribution excited the minds of philosophers at all times. There is, perhaps, no such a problem that would provoke such passions, and would have public "tuning fork sound." It permeates all truly deep structures of our mind and somehow affects virtually all "hot spots" of our existence. The author takes on the task to analyze the theme of revenge and retribution in the works of outstanding thinker of the Enlightenment - Paul Henri Holbach.

***Keywords:** philosophy of the Enlightenment, consistent materialism, determinism, fatalism, retribution, social justice.*

Весьма заметным представителем французского Просвещения был Поль Анри Гольбах. Он не только был убеждённым последователем и продолжателем материалистических и атеистических идей своих предшественников, но и выступил своего рода их систематизатором и завершителем дела построения глобальной

материалистической картины мира. Его «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного» – непреходящий тому памятник. Последовательный материализм Гольбаха поистине является всеобъемлющим, всепроникающим и всепронизывающим. К какой сфере философствования ни обратиться – онтологии ли, гносеологии ли, этики ли, социологии ли – Гольбах там уже побывал и всё по-материалистически расставил на свои места. Поль Анри Гольбах – безусловный предтеча через столетие последовавших за ним диалектического и исторического материализма. Обоснование будущего марксистского положения о человеке как «слепке» взрастивших и воспитавших его общественных отношений мы находим именно у Гольбаха. Но что более для нас существенно – в этой системной «матрице» последовательного материализма нашлось у него место и для вопроса мести и возмездия. Небезынтересно узнать, какова его теоретическая конфигурация и как он будет встраиваться в эту самую глобальную материалистическую картину мира.

Как оказалось, у Поля Анри Гольбаха проблеме мести и возмездия отведён всего один фрагмент, но зато крупный, из указанного основного его философского труда «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного». Он целиком из главы XII «Разбор утверждения, что система фатализма опасна» его первой части «О природе и её законах, о душе и её способностях, о догмате бессмертия, о счастье». Дополнительный интерес подогревает то обстоятельство, что Гольбах совершенно осознанно выступает с позиции апологетики не только последовательного материализма, но и последовательного детерминизма, с позиции своего рода «природного фатализма». Позиция, надо признать, в философии крайне редко встречающаяся, почти уникальная, поскольку подавляющее большинство причислявших и причисляющих себя к материализму философов всё-таки как-то умудрялись и умудряются втискивать в свои системы то ли свободу воли, то ли некое объективное существование случайности. Не таков Поль Анри Гольбах. Обратимся к его мыслям.

«В соответствии с этими соображениями нам легко устранить возражения, постоянно выдвигаемые против системы фатализма, которую люди, ослеплённые религиозными учениями, называют опасной, достойной наказания, способной нарушить общественный порядок, разнуздать страсти, привести к смешению

представлений о пороке и о добродетели.

Действительно, нам говорят, что, если все поступки людей необходимы, мы не только не вправе наказывать тех, кто совершает дурные поступки, но не должны даже сердиться на них. Утверждают, будто в этом случае последним нельзя вменить что-либо в вину, будто законы, присуждающие их к наказанию, несправедливы, — одним словом, люди не могут ни быть виновными в чём-либо, ни иметь какие-либо заслуги. Я отвечу на это, что вменить какой-нибудь поступок в вину кому-либо — значит считать его виновным. Поэтому даже если согласиться с тем, что этот поступок произведён существом, вынужденным совершить его в силу *необходимости*, вменение в вину всё же может иметь место. Связываемые нами с каким-нибудь действием заслуга или вина зависят от благоприятных или пагубных результатов этого поступка для лиц, которых он касается. И если предположить, что человек, совершивший какой-либо поступок, действовал в силу необходимости, всё же его поступок является хорошим или дурным, заслуживающим уважение или презрения всех тех, кто чувствует на себе его влияние, и чью любовь или гнев он способен вызвать. Любовь или гнев представляют собой свойственные нам способы бытия, которые могут видоизменять человеческие существа. Если я сержусь на кого-нибудь, то я рассчитываю вызвать в нём страх и отвратить его от того, что мне не нравится, или даже наказать его за это. Кроме того, мой гнев необходим, он является следствием моей природы и моего темперамента. Болезненное ощущение от упавшего на мою руку камня неприятно мне, хотя оно вызвано причиной, лишённой воли и действующей в силу необходимости своей природы» [1, с.239-240].

Честно говоря, я отношусь к тому подавляющему большинству людей, кто действительно полагает, что если отрицать свободу воли человека, то тем самым мы лишаем его ответственности за его поведение. Причём и в моральном, и правовом смысле. Не случайно в юридической практике во все времена существенное значение как имели, так и имеют различные категории и уровни дееспособности и вменяемости. Отрицать это глупо, равно как и «развенчивать» расхожую формулу «Оборотная сторона свободы — ответственность». Они-то как раз доказали свою дееспособность, пройдя проверку временем. Конечно, сама смелость взяться за подобного рода бесперспективное предприятие может вызывать

если уж и не восхищение, то уважение, но всё же, на мой взгляд, веет от него каким-то бунтарством и эпатажем. В том-то и дело, что поступок заслуживает оценки хорошего и дурного не в зависимости от того, какие он ощущения вызвал у человека (удовольствия ли, неудовольствия ли), попавшего в его орбиту, а в зависимости от принятой в данном обществе системы нравственных ценностей. Субъективные впечатления тут не показатель. Они могут быть разными до противоположности. Скажем, действие наказующего со стороны наказуемого выглядит никак иначе, как крайне дурной поступок, в то время как со стороны общественного мнения – как поступок хороший, как должный, как вполне справедливый. Не скатиться бы тут в крайний субъективизм и моральный релятивизм. Софисты вот нечто схожему учили. Очень неубедительными также мне кажутся сравнения человеческих поступков с эффектами от «деяний» неодушевлённых предметов, скажем, от падающего с крыши кирпича. Разве есть какие-либо внятные основания приравнять несчастный случай к умышленному убийству? Я этого в толк не возьму. Посмотрим, что будет дальше, может, не совсем правильно поняли замысел Гольбаха. Одна пока отрада – признание им необходимости гнева и его корня в человеческой природе.

«Рассматривая поступки людей как необходимые, мы всё же не можем не отличать у них того образа жизни и действий, который подходит нам и который мы вынуждены одобрять, от образа жизни и действий, который огорчает и раздражает нас и который мы вынуждены в силу своей природы порицать и избегать. Отсюда ясно, что система фатализма ничего не изменяет в положении вещей и не приводит к смешению понятий добродетели и порока.

Законы созданы лишь для того, чтобы сохранить общество и помешать объединившимся в общество людям вредить друг другу. Поэтому законы вправе наказывать тех, кто нарушает общественный порядок или совершает поступки, вредные ближним. Вынуждены ли члены общества поступать необходимым образом или их поступки свободны – с точки зрения законодательства достаточно того, что на них можно воздействовать. Уголовные законы являются мотивами, способными, как показывает опыт, сдерживать или уничтожать импульсы, сообщаемые воле людей страстями. Сколь бы необходимой причиной ни вызывались страсти, законодатель ставит своей целью остановить их действие, и,

если он возьмётся за это дело как следует, он может быть уверен в успехе. Карая преступления виселицей и другими наказаниями, он поступает подобно человеку, который, строя дом, снабжает его водосточными трубами, чтобы помешать дождевой воде подмыть фундамент его жилища.

Какова бы ни была причина, заставляющая людей действовать, мы вправе противодействовать результатам их поступков, подобно тому, как вправе человек, поле которого могла бы затопить река, сдержать её воды плотиной или даже, если это в его силах, отвести её течение. В силу этого права общество может в целях самосохранения устрашать и наказывать тех, кто пытается вредить ему или совершает поступки, признаваемые им действительно вредными для своего спокойствия, безопасности, счастья» [1, с.241-242].

Вот это уже более походит на правду. Во всяком случае, нет ориентации на субъективность восприятий вреда или пользы и нет провоцирующих аналогий с летящим камнем. Тут уже прицел на некую интерсубъективность и общественную целесообразность. Пришлось даже пожертвовать близким для Гольбаха тезисом жёсткой взаимозависимости результатов поступка и правовыми последствиями. Выходит так, что общество вправе превентивно пресекать в целях сохранения спокойствия и безопасности всякие деяния, призванные их нарушить. Получается, что результатов ещё и в помине нет, поскольку ещё никакого деяния не произошло, а правовые последствия уже наступили: общество уже загодя постаралось и провело необходимую санитарную обработку – «повыпалывало сорняки». Так карают и за неудавшиеся покушения, и за само планирование покушений, за неудавшиеся заговоры и перевороты, и за саму организацию группы, ставящей целью свержение существующего строя. А, кстати, образ возмездия как плотины, перекрывающей и предохраняющей от потоков человеческих страстей, мы встречаем и у другого яркого представителя французского Просвещения – Клода Адриана Гельвеция.

«Нам, несомненно, скажут, что общество обыкновенно не наказывает за проступки, в которых не принимает участие воля; только злой умысел подлежит наказанию; только наличие его решает вопрос о преступлении и его степени, если же воля несвободна, то нельзя её наказывать. Я отвечу на это, что общество есть совокупность одарённых чувствами и разумом существ, которые желают счастья и

бояться зла. Благодаря этому можно так видоизменять их волю и направлять их поведение, чтобы привести их к желаемой цели. Воспитание, закон, общественное мнение, пример, привычка, страх – всё это причины, которые должны изменять людей, влиять на их волю, заставлять их содействовать общему благу, направлять их страсти и сдерживать те из них, которые могут вредить цели общества. Эти причины могут оказать влияние на всех людей, способных в силу своей организации и своей сущности усвоить привычки, способы мысли и действия, которые желают им внушить. Все люди способны испытывать страх; следовательно, страх наказания или лишения желательного для них блага является мотивом, который необходимо должен оказать большее или меньшее влияние на их волю и на их поступки. Если найдутся люди, организация которых настолько плоха, что они не поддаются мотивам, действующим на всех других людей, значит, эти люди не способны жить в обществе, служат помехой в достижении цели общества, являются его врагами, препятствуют его устремлениям. Поскольку мятежная и антиобщественная воля таких людей не может быть видоизменена в интересах их сограждан, то последние объединяются против своих врагов, и закон, выражающий общую волю, налагает наказания на тех, на кого не производят ожидаемого действия обычные мотивы. Таким образом, люди антиобщественного склада наказываются и в соответствии с характером их преступления исключаются из общества как существа, неспособные содействовать его задачам» [1, с.242].

Вроде бы всё правильно написано, всё приемлемо, всё складно, но не оставляет впечатление, что мастерски «обвели вокруг пальца», умело заболтали и скрытно обошли главный вопрос. Что общество должно проводить грамотную воспитательную работу, что должно использовать целый комплекс пропагандистских, профилактических, превентивных и карательных мер – это понятно. Что бывают разного рода «социопаты», целая категория лиц, неподдающихся никакому ни воспитанию, ни перевоспитанию, и что с ними надо поступать соответственно – либо изолировать очень надолго, либо уничтожить – это тоже понятно. Не понятно другое: как быть с индивидом, который совершил вроде вредный с позиции общества поступок, но совершил ненамеренно, без злого умысла. Учитывать это как смягчающее вину обстоятельство или основным критерием должна быть степень негативности последствий? Пока, во всяком

случае, создаётся такое впечатление, что для Гольбаха никакой разницы нет: был ли злой умысел, не было ли – главное, был вред или нет. Пойдём, однако, дальше.

«Если общество обладает правом самосохранения, то оно имеет и право прибегать для этого к соответствующим средствам. Такими средствами являются законы, сообщающие воле людей мотивы, способные отвратить их от вредных поступков. Если эти мотивы не оказывают на каких-то людей никакого воздействия, то общество ради своего блага вынуждено лишать их возможности вредить ему. Чем бы ни определялись поступки последних, были ли они свободными или необходимыми, но, когда общество, сообщив своим членам мотивы, достаточно сильные, чтобы воздействовать на разумные существа, убеждается, что эти мотивы не сумели одержать победу над импульсами извращённой природы тех или иных индивидов, оно наказывает их. Общество наказывает таких людей справедливо, если поступки, от которых оно отвращает, действительно вредны ему. Оно имеет право наказывать их, если разрешает или запрещает им лишь вещи, сообразные с природой существ, объединившихся в общество для взаимного блага, или противоречащие ей. Но, с другой стороны, закон не вправе наказывать тех, кому он не предоставил необходимых мотивов, способных повлиять на их волю. Он не вправе наказывать тех, кого пренебрежение общества лишило средств к существованию, возможности проявлять своё умение и свои таланты, трудясь на пользу обществу. Закон несправедлив, когда наказывает тех, кому он не обеспечил воспитания, не привил добродетельных принципов, не помог усвоить привычек, необходимых для существования общества. Он несправедлив и нелеп, когда наказывает людей за проступки, вызываемые склонностями, которые развились в них под влиянием самого общества, примера окружающих, общественного мнения и существующих общественных институтов. Наконец, закон несправедлив, когда он не соразмеряет наказания с реальным злом, причиняемым обществу. Закон доходит до последней степени несправедливости и безумия, когда в ослеплении предаёт наказанию тех, кто полезен обществу» [1, с.243].

Ну, вот мы докопались и до смягчающего вину фактора. Да и не одного даже, а до целого спектра. И не просто смягчающего, а, выходит, до полностью лишаящего вины, полностью высвобождающего от наказания. Получается, как

маятник: из крайности в крайность – то пусто, то густо. Впоследствии адвокаты так прямо и будут обозначать на судебных процессах, взывая к присяжным в надежде на оправдание подопечного, мол, «среда заела». И немалое количество такого рода жертв «заедшей» их среды будет действительно освобождено от уголовного преследования. И в этом передовая интеллигенция усмотрит явные признаки гуманизма и нравственного прогресса. Но опять же не даётся никакого вразумительно ответа на вопрос: отчего это вдруг одна и та же общественная среда кого-то «заедает» и ввергает в преступление, а другого из той же самой профессиональной или социальной группы «заедает» не меньше, но искутить на зло ей не удаётся. Вот мы и возвращаемся к тому, с чего начали – к злой и доброй воле. Не зря же говорят, что бывает человек «с душой», а бывает человек «с душком».

И в заключении о пытках и смертной казни: «Я не исследую здесь вопроса о том, какого рода наказание может позволить себе общество по отношению к своим обидчикам. Разум требует, по-видимому, чтобы в отношении к людям, совершающим преступления в силу необходимости, закон в полной мере проявлял снисходительность, совместимую с самосохранением общества. Система фатализма, как мы видели, не оставляет преступления безнаказанными, но она способна всё же смягчить варварские наказания, которым многие народы подвергают жертвы своего гнева. Эта жестокость становится ещё более бессмысленной, когда опыт показывает её бесполезность. Привычное зрелище бессмысленных казней приучает преступников к мысли о них. Если и верно то, что общество вправе отнять жизнь у своих членов и что казнь преступника, бесполезная, правда, для него самого, выгодна обществу, – а это, впрочем, следовало бы ещё подвергнуть тщательной проверке, – то гуманность всё же вправе требовать, чтобы эта казнь не сопровождалась бесполезными мучениями, которыми она часто дополнительно отягощается из-за слишком суровых законов. Эта жестокость только заставляет бесполезно страдать жертву, приносимую на алтарь общественного правосудия. Она вызывает сострадание у зрителя и располагает его в пользу несчастного страдальца. Она нисколько не воздействует на преступного человека, которого вид предназначенных для него страданий часто делает более свирепым, жестоким и опасным для своих сограждан. Если бы смертная казнь совершалась не так часто, она производила бы более глубокое впечатление, даже не

сопровождаясь пытками» [1, с.244-245].

Сначала о том, в чём я уверен. Я уверен, что действительно гнев, как отмечает и Гольбах, бывает не только личным, но и общественным. Я также уверен, что публичные казни, совершаемые массовым порядком и регулярной периодичностью, действительно становятся обыденным делом, заурядным событием, к ним привыкают, и они перестают оказывать то эмоционально-психологическое воздействие, которое призваны – должным образом устрашать потенциальных преступников. Но я не уверен, что публичные казни вообще не способны устрашать «латентный криминал» и что они в профилактическом плане совершенно бесполезны. Я не знаю, какой опыт имел в виду Гольбах, но опыт человечества подтверждает как раз обратное. От публичных и жестоких казней на большей части земного шара отказались не по причине их импотенции или неэффективности в плане профилактического устрашения, а исключительно в силу победоносного шествия европейской цивилизованности и европейского гуманизма. О том же, насколько действенными могут быть физические наказания и публичные казни, можно судить хотя бы по тому, во сколько раз ниже уровень преступности в исламских странах с судом шариата, где они чрезвычайно успешно применяются, чем в тех же самых цивилизованных странах. Я скажу более: никто не даст гарантии, что и в этих государствах с либеральной демократией данный «status quo» на веки вечные. Германия вот тоже считалась страной поэтов, музыкантов и философов, а оказалось, что всё так быстро может перемениться.

Так что, подводя итог концептуальным взглядам Поля Анри Гольбаха по проблеме мести и возмездия стоит отметить, что они обе подчиняются всеобщему закону детерминации: месть детерминирована человеческой природой, возмездие же – общественной целесообразностью с учётом детерминации средовых факторов.

Литература:

1. Гольбах Поль Анри. Избранные произведения. В 2т. Т.1. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963.

References:

1. *Paul Henri Holbach, "Selected Works in 2 volumes." M.: Publishing House of socio-economic literature. 1963.*